# Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе



**Алексей Алексеевич Гиппиус**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

**Аннотация**: Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2019 г.

**Ключевые слова**: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса

**Благодарности**: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН. Археологические работы на Троицком раскопе в Великом Новгороде осуществлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00372). Автор благодарит руководителей раскопов за предоставление текстов для публикации и стратиграфических данных. Автор также признателен М. А. Бобрик, С. М. Михееву, Д. В. Сичинаве и М. Н. Толстой за сотрудничество в исследовании и ценные замечания.

**Для цитирования**: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 22–37.

**DOI**: 10.31857/0373-658X.2020.5.22-37

# Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019

**Alexey A. Gippius**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; agippius@mail.ru

**Abstract**: The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod and Staraya Russa during the archeological season of 2019.

**Keywords**: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa

**Acknowledgements**: The research is supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00352). Archaeological research at Troitsky excavation in Veliky Novgorod is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-09-00372). The author is grateful to the heads of excavations for providing texts for publication and stratigraphic data. He also expresses his gratitude to M. A. Bobrik, S. M. Mikheev, D. V. Sitchinava and M. N. Tolstaya for their co-operation in the research and valuable comments.

**For citation**: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 22–37.

**DOI**: 10.31857/0373-658X.2020.5.22-37

# Великий Новгород

В Великом Новгороде в археологическом сезоне 2019 г. на Троицком раскопе XV (руководитель работ А. М. Степанов) изучались напластования, предварительно датируемые первой половиной XII в. Найдены берестяные грамоты № 1114, 1115, 1116.

На Троицком раскопе XVI (руководитель В. К. Сингх) в 2019 г. изучались напластования, относящиеся к последней четверти XIII — первой четверти XIV в. Найдены грамоты № 1117, 1118.

В 2019 г. были проведены охранные археологические раскопки на Софийской стороне на участке по ул. Литвинова (Лукиной), 5 (руководители П. Г. Гайдуков и О. М. Олейников). В напластованиях, предварительно датируемых второй половиной XI — первой половиной XII в., были найдены берестяные грамоты № 1119, 1120, 1121.

Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД$_2$: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер. Грамота № 1119, содержащая несколько разрозненных букв, в настоящую публикацию не вошла.

Три грамоты, найденные на Троицком раскопе XV, оказались написанными почерками, известными по документам усадьбы Ж, исследованной на соседнем с раскапываемым участке. Грамоты № 1114 и 1116 составляют один блок с № 1049, а грамота № 1115 — один блок с № 1050 (почерки отождествлены С. М. Михеевым). При этом грамоты № 1049 и 1050, датируемые первой четвертью XII в., объединены именем Словяты (он упоминается в первом и является автором второго документа), а в грамоте № 1116 упоминается Сновид, фигурирующий также в письмах Луки и Ивана, датируемых второй четвертью — серединой XII в.

**№ 1114.** Троицкий раскоп. Фрагмент письма (три последних строки).

…
… (·)[з](·) на ·і·[сть л]оу[к]ън(ъ)
жицемъ на соукънѣхъ
а жеребъка не продаите

Буква *ц* во второй строке имеет лишнюю верхнюю горизонталь; по-видимому, она исправлена из начатого *т*.

Стратиграфическая датировка: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка блока (№ 1049, 1114, 1116): предпочтительно не ранее 1120-х гг. — не позднее 1190-х гг.

Перевод: '… (заплатите) ячменьком 17 лукон за сукна, а жеребчика не продавайте'.

Реконструкция слова *лоукънъ* в первой строке с палеографической точки зрения не безальтернативна. Вместо *л* могло стоять *к* или *п*, а вместо *к* — *д* (что, впрочем, менее вероятно, так как ножки от *д* и характерный для данного почерка штрих *к* выглядят в других случаях по-разному). Поэтому теоретически возможно прочесть не *17* [*л*]*оу*[*к*]*ън*(*ъ*) *жицемъ*, а *17* [*п*]*оу*[*д*]*ъ Н*(*ѣ*)*жицемъ* или *17* [*к*]*оу*(н) [*к*]*ън*(*ѧ*)*жицемъ*. Однако, не говоря о содержательной проблематичности этих версий, обе они не могут объяснить горизонтали над *ц*. Между тем в рамках предлагаемой трактовки для этого штриха находятся даже два объяснения. Начатое *т* могло принадлежать слову *жито*, которое автор по ходу письма переделал в диминутив *житце*. В нем можно видеть также отражение долгого затвора аффрикаты [тц], возникшей из [тьц] после утраты слабого редуцированного (см. о фонетическом статусе таких аффрикат [Соколянский 2007]). Чтение *жицемъ* дает и ясный смысл, встраивающийся в экономические реалии эпохи: автор предлагает адресатам письма заплатить за сукно ячменем, избежав таким образом продажи жеребца.

Натуральные платежи зерном в берестяных грамотах упоминаются неоднократно; лукно же, как мера зерна, хотя и не встречалось в них до сих пор, известно из Русской правды: [вирнику взять] *7 коунъ на недѣлю*, *7 хлѣбовъ*, *7 уборковъ пшена*, *7 лоуконъ ѡвса на четырѣ кони* [ПрР, Синодальный список, л. 407 об.]. «Лукно жита» — мера, в качестве платежной единицы известная и за пределами Руси и в ряде случаев имеющая конкретный денежный эквивалент; так, в хрисовуле сербского деспота Стефана Душана 1348 г. Архангельскому монастырю в Призрене лукно жита приравнивается к двум динарам: *да даjу бир духовну … лукно жита волꙗ два динара* [Новаковић: 629]. Заметим, что жито в связи с какими-то денежными расчетами упоминается и в грамоте № 1049, написанной тем же почерком.

Запись числа 17 в виде *.з. на .і.*[*сть*] (с пропуском *ѧ*, ср. пропущенный и затем вписанный *ѧ* в *Словѧто* 1049) может объясняться графической заменой конечного *е* в <*на десяте*> на *ь*. Хотя в бесспорных случаях этимологическое *е* в грамотах данного блока записывается стандартно, в № 1116, по-видимому, имеет место обратная замена (см. ниже). Нельзя, впрочем, исключать и произношения [надесят’] с утратой конечного гласного. Этому не противоречит ранняя дата грамоты, так как следующая ступень эволюции — утрата конечного согласного — представлена уже в грамоте № 851, сер. XII в. (*три на десѧ*) (см. [ДНД$_2$: 79, 133]; ср. [ИГДРЯ, 4: 127–128]); ср. также *два дьсѧть* <два десять> из *дъва десѧти* в № 620, 2 четв. XII в.

Уже упомянутая словоформа Т. ед. *жицемъ* представляет немалый интерес с фонетической точки зрения. От раннедревнерусского *житьцьмь* она отличается по меньшей мере в четырех пунктах, отражая: 1–2) утрату слабого редуцированного на конце и в середине слова, 3) отвердение конечного [м’], 4) слияние *тц* > *ц*. Кроме того, *е* может отражать прояснение сильного *ь* в *е*, хотя может объясняться и графической заменой *ь* на *е*, представленной в № 1116. Последовательно позднедревнерусский облик словоформы выделяет ее на фоне сохранения слабых редуцированных в других случаях, естественного для документов первой половины XII в. (1049: *отъдам-*, 1114: *лоукън*(ъ), *соукънѣхъ*, *жеребъка*). Этот контраст, казалось бы, ставит под сомнение адекватность реконструкции. Однако при ближайшем рассмотрении он оказывается далеко не случайным, демонстрируя общую закономерность, до сих пор не обращавшую на себя внимания.

Примечательно, что раннее состояние редуцированных дает сбой в словоформе, в которой исчезновение слабого *ь* привело не просто к соединению двух согласных, но к их слиянию. В традиционной терминологии, мы имеем здесь дело не с прямым результатом, а со следствием падения редуцированных. Сплошной просмотр берестяных грамот раннедревнерусского периода обнаруживает целый ряд текстов, в которых единичные отклонения от этимологически правильного употребления еров фиксируются именно в подобных случаях. Самую близкую параллель к комментируемому документу представляет № 531 (кон. XII — нач. XIII в.), где на почти 20 написаний с сохранением неконечных слабых *ъ* и *ь* имеется всего два случая их пропуска. Один из них приходится в точности на ту же позицию, что и в № 1114: Зв. *браце* <*братьче*>. Во втором примере, *с ызветомо*, *ъ* пропущен там, где его исчезновение вызвало переход *и* в *ы*. Похожую картину находим в № 831 (2 четв. XII в.). Здесь на 14 «ранних» словоформ приходятся две «поздних»: *полоуторь* (с отражением двухэтапного перехода *полу вътор-* > *полу wтор-* > *полутор-*) и *кобѧжянино*; в последней, как показал Д. В. Сичинава [2019: 635–638], представлен результат описанного А. А. Зализняком [2019б] перехода *ол* > *о* в названии колбяга — *колбѧжанинъ* (ранн. *кълбѧж-*). Крайне маловероятно, чтобы нарушения раннедревнерусского состояния случайно пришлись именно на эти специальные позиции. На этом фоне показательны и статистически менее выразительные примеры. В блоке грамот № 685 и № 721/647/683 (40-е — сер. 90-х гг. XII в.) на фоне четырех случаев сохранения слабых *ъ* и *ь* (*ръспытавъшѧ*, *въдае*… 685, *Ньжька* 683, *дъва*) представлено написание *18 сърьцьвъ* (‘18 сорочков’), которое, как было показано в [НГБ XII: 258], представляет собой не ошибку, а запись Р. мн. диминутива *сорочьць*, отражающую слияние [ц’ц’] > [ц’]. В грамоте № 228 (60-е — 90-х гг. XII в.) утрата редуцированного отражается в *полоуторе* и не отражается

в *Аръшековее*, *Горегѧ*. В Ст. Р. 43 (посл. треть XII в.) позднее состояние обнаруживает себя в написании *в аних*ъ (<*въ онихъ*>), которому противостоят четыре случая сохранения редуцированного: *въдала*, *Оленечьваѧ*, *гривенахъ*, *Гюрегеви*. В Торж. 13 (сер. — 2 пол. XII в.) находим: *посолоу*, *восоль* <*въсъле*>, *молови*, но *дьскые кнѧжь*, с отражением перехода [-т'ьск-] > [ц'к] > [с'к] (отсутствие редуцированного в *кнѧжь* также неслучайно, но по другой причине — в силу традиционности такого написания этого слова).

Чем можно объяснить такое распределение? Нет оснований думать, что фонетические изменения, вызванные утратой слабых редуцированных, прошли в речи людей, писавших эти грамоты, раньше, чем редуцированные были утрачены в других позициях, где их исчезновение не повлекло за собой подобных следствий. По всей вероятности, приведенные факты отражают не последовательность протекания процесса в живой речи, но динамику его письменной фиксации. Впрочем, простое противопоставление живой (устной) и письменной речи в данном случае представляется недостаточным и должно быть дополнено оппозицией lento- и allegro-вариантов произношения, медленного и быстрого темпов речи. Как неоднократно отмечалось (см. особенно [Jakobson 1929/1962: 19–20, 55]), процесс падения редуцированных должен был охватить в первую очередь беглую речь, тогда как в полном варианте редуцированные могли сохраняться дольше, с течением времени утрачивая автоматизм своего употребления. Внутренний диктант, осуществлявшийся в процессе письма, не мог не быть в целом ориентирован на lento-вариант произношения — хотя бы потому, что носил послоговый характер [Зализняк 1993: 253]. При замедленном произнесении текста изменения, уже прошедшие в беглой речи, как бы «отыгрывались» назад. Именно здесь, как кажется, и могли сказаться различия в структурной сложности этих изменений: там, где имела место простая утрата редуцированного, «восстановить» исходное состояние было проще, чем в случаях, где эту утрату сопровождали разного рода ассимиляции и слияния. Последние в силу этого могли быстрее проникать в полный стиль произношения и через него — в письменный текст. Можно думать, что новгородка Анна, писавшая грамоту № 531, в своей повседневной (вероятно, довольно быстрой) речи не произносила редуцированных и в тех 20 словоформах, которые в грамоте сохраняют раннедревнерусский облик. Но слова *с ызветомо* и *браце* она записала, продиктовав их себе в их аллегровой форме, не осознавая расхождения в этих точках между двумя вариантами собственного произношения. Аналогичным образом, писец грамоты № 1114 оставил «неотыгранным» слияние [тьц] > [$^{т}$ц] в *жицемъ*, написав эту словоформу так, как он произносил ее в своей естественной речи (возможно даже с уже прояснившимся в *е* сильным *ь*).

Более подробное обоснование предложенного объяснения и разбор проистекающих из него следствий отложим до специальной публикации.

**№ 1116.** Троицкий раскоп. Фрагмент письма (средние части первых трех строк).

…**къновидоу продаже то ти в**(ъ) …
… **не даи же скота никомоу**[ж](е) …
…**же то ти въ върьвонѣ**-- …

Стратиграфическая датировка: первая половина XII в.

В начале фрагмента уверенно вычленяется форма дательного падежа имени *Сновидъ*, записанная, однако, с пропуском начального *с* (или *съ*). В первой строке грамоты ее, казалось бы, естественно трактовать как принадлежащую адресной формуле вида «*От Х-а к Y-у*». Такая трактовка наталкивается, однако, на следующее препятствие. Поскольку с *то ти*, несомненно, начиналась новая фраза, слово *продаже* приходится считать составляющим целую синтагму. Морфологически это может быть или императив <*продажь*> (с заменой *ь* на *е*), или какая-то форма существительного *продажа* (с заменой *ѣ* на *е*). Но ни то ни другое целой синтагмы не дает. Можно предположить, что писец пропустил одно *про* в заголовке *Про продажѣ* (ср. псковскую берестяную грамоту № 6 (сер. — 2 пол. XIII в.), где таким образом озаглавлены все рубрики, на которые членится письмо: *Про*

*белоу… А про себе… А про сеи человеко…*); но тогда приходится допустить две ошибки подряд — в имени и заголовке, что маловероятно. Остается считать, что адресная формула целиком находилась в утраченной половине первой строки и что дательный падеж (*С*)*новидоу* — это дополнение при императиве *продаже*. Привлекательной выглядит реконструкция, при которой объектом продажи выступает *соукъно* (упоминаемое и в № 1114); в таком случае понятной оказывается и природа пропуска, спровоцированного наличием последовательности -*ъно*- в соседних словах: *соукъно* (*Съно*)*видоу*. Заметим также, что остаток штриха перед *к* более всего подходит именно для *у*.

На *то ти въ…* могла начинаться фраза, сообщавшая стоимость подлежащего продаже сукна: *То ти въ соукънѣхъ* (столько-то гривен); ср. № 722 (кон. XII — нач. XIII в.): *во сѣтьхо 3 гривьнѣ, во соукънѣхо и во хлостѣхо*[1]. Для сочетания фраз, из которых первая заканчивается императивом, а вторая, содержащая дополнительную информацию, начинается с *то ти*, параллель дает № 644 (1 четв. XII в.): *а во три колотокѣ вокꙋе, то ти 4 золотьникѣ во кольцю тию* 'Так вкуй же [отданный тебе металл] в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах'. Следующая фраза сохранилась полностью: *не даи же скота никомоуже* 'Денег никому не давай'; возможно, имелись в виду деньги, которые предстояло выручить за сукно. Такой же смысловой ход имеется в № 133 (2 пол. XIV в.), где за указанием продать партию шкур нерпы названной стоимости следует фраза: *А серебро к собѣ возми* (то есть держи у себя, никому не отдавай). Отметим соотношение: *продаж*<*ь*> (от *продати*), но *не даи же* (от *продаяти*): во втором случае при отрицании закономерно употреблен глагол несовершенного вида. Образованный по атематическому типу императив *продажь* до сих пор в берестяных грамотах не встречался. Однако для более частотного глагола *въдати* он засвидетельствован: *въдажь* 798; (*въ*)[*да*]*ж*[*ь*] 1060, вероятно, также *въдаже* 119.

Начало третьей строки содержит буквенную последовательность *жетотив*, идентичную той, которой заканчивается первая строка. Это тождество позволяет предполагать структурный параллелизм двух частей сообщения и думать, что на *же* заканчивался еще один императив *продаж*<*ь*>, объектом при котором было название товара, повторенное в следующей фразе. Это слово впервые встречается в берестяных грамотах и представляет большой интерес. Основа *връвон*-, вне всякого сомнения, связана со словом *ворвань*, восходящим к слову *ворвонь*, которое фиксируется историческими словарями русского языка в трех значениях: 1) 'род морского млекопитающего', 2) 'кожа морских млекопитающих', 3) 'жир, вытопленный из морских млекопитающих и рыб' [Слов. XI–XVII, 3: 28]. В оригинальной письменности слово до сих пор фиксировалось с конца XVI в. Древность его свидетельствовалась, однако, примером из «Александрии Хронографической», переведенной на Руси не позже середины XIII в.: *Ворвѡни*[ж] *многи и велики видѣхомъ ходяща по земли* [Срезн., I: 301]. Как видно из греческого текста, где употреблено слово φώκα (φώκας δὲ πλείστας καὶ μεγάλας εἴδομεν ἑρπούσας ἐπὶ τῆς γῆς [Bergson 1965: 131]), имеется в виду вполне конкретное морское млекопитающее — тюлень. Пример из «Александрии» важен и в следующем отношении. Хотя в словарях он иллюстрирует лемму *ворвонь*, приводимый Срезневским заголовок *ѡ ворвонѣхъ* противоречит этому, показывая исконную принадлежность слова к *о*-основам. Это заставляет считать первоначальным вариант В. мн. *ворвоны* <*въpвоны*>, также представленный в списках памятника [Истрин 1893: 77 (вторая пагинация)]. В грамоте слово *връвонъ* было, по-видимому, как и в заголовке «Александрии», употреблено в форме М. мн.: *въ връвонѣ*(*хъ*) (ср. *во соукънѣхо и во хлостѣхо* в № 722).

Этимологически *ворвань* считается скандинавским заимствованием и возводится к др.-сканд. *nárhvalr* через др.-швед. *narhval*, подвергшееся на восточнославянской почве

[1] В [ДНД$_2$: 426] эта фраза переведена: 'На сетях, сукнах и холстах 3 гривны', что кажется спорным. Речь идет о стоимости, заключенной в еще не реализованном товаре. В современном русском языке предлог *на* выражает это специальное экономическое значение в составе другой конструкции: *Сетей, сукон и холстов — на три гривны*. Эта конструкция использована в предлагаемом ниже переводе.

дистантным изменениям: ассимиляции *n-…-l* > *n-…-n* и диссимиляции *n-…-n* > *v-…-n* [Фасмер, 1: 351; Аникин, 8: 231–232]. Иная цепочка преобразований дала ст.-белорусск. *ворволь* и лит. *var̃valis*, *várvalis*, по-видимому, заимствованное из старобелорусского. Не мотивированную скандинавским этимоном мягкость основы русского и литовского слов автор этой этимологии Э. Майер объясняла через гипотетическое притяжательное **ворволь* (*жир*) [Meyer 1928: 141]. Хотя следов конечного *л* в русских источниках не обнаруживается, общая схема этого объяснения подтверждается новыми данными. Исходным для истории русского языка следует считать представленное в «Александрии» и в грамоте № 1116 слово *вървонъ*, м. ‘тюлень, кожа тюленя’. Образованное от него притяжательное *ворвонии* фиксируется с XVI в. (чаще всего в сочетании *ворвонье сало*) [Слов. XI–XVII, 3: 28]. К нему в свою очередь восходит *ворвонь*, ж. как обозначение жира и кож морских млекопитающих.

Отсутствие в блоке 1049–1114–1116 мены *ъ* и *о* позволяет не сомневаться в том, что корень слова содержал сочетание редуцированного с плавным. Следовательно, заимствование было сделано в период, когда образование полногласия из **TorT* уже не было живым процессом, а новое *TorT*, которому предстояло развиться в результате прояснения сильных редуцированных, еще не появилось. В этих условиях иноязычная лексика, содержавшая такие сочетания, могла усваиваться или путем вставки неорганического редуцированного после плавного, или же путем субституции через *ТърТ*. Написание *въръвон-* говорит о том, что такая субституция действительно имела место. Из других скандинавских заимствований в древнерусском тем же путем могло быть усвоено название меры льна, *кербь* (из др.-сканд. *kjarf*, *kerf* ‘сноп, связка’ [Томсен 1891/2002: 218; Фасмер, 2: 223]), для которого в древненовгородском можно предполагать вид **кьрбь*. Исходное произношение с редуцированным кажется вероятным и для древнерусского названия жителей Франкской державы эпохи Каролингов, *корлязи* (< др.-верх.-нем. *karling* [Фасмер, 2: 223]), известного только по спискам Повести временных лет, в которых оно выступает уже с *о*.

Упоминание в грамоте тюленьих кож немаловажно с исторической точки зрения как самое раннее письменное свидетельство обращения в Новгороде продуктов северных морских промыслов. До сих пор таковым была уже названная грамота № 133 второй половины XIV в., в которой упоминаются нерпы. О материальных свидетельствах использования на Руси шкур и кости морского зверя см. [Смирнова 1999; Курбатов 2019: 243–245].

В итоге для грамоты в целом можно предложить следующий перевод-реконструкцию: ‘От X-а к Y-у. Сукно продай Сновиду — там сукна на (такую-то сумму). Денег никому не отдавай. А тюленьи кожи продай Z-у — там тюленьих кож на (такую-то сумму)’.

**№ 1115.** Троицкий раскоп. Целый документ, запись из двух слов.

**сьдославє присълалє**

Стратиграфическая датировка: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка блока (№ 1050, 1115): не ранее 1100-х гг. — не позднее 1170-х гг. (предпочтительно не позднее 1120-х гг.).

Перевод: «Сдослав прислал».

Грамота написана тем же почерком, что и № 1050. В последней, при значительных размерах текста, отсутствуют проявления бытовой орфографии. Это позволяет исключить словоделение <*се*> *Дославе*, равно как и чтение <*Сѣдославе*>. Антропонимический контекст имени *Сьдославъ* образуют имена *Сдославъ* и *Сдѣславъ*, извлекаемые из грамот № 412, 2 пол. XIII в. (*про роже про Содосла-*), и № 940, сер. XII в. (*отъ Сьдеслав-*); последнее представлено также в Киевской летописи XII в., где его носит боярин Рюрика Ростиславича, упоминаемый под 1180 и 1194 г. (*Сдеславъ*, *Сдеславомъ*, *Здеславомъ* [Юрьева 2017: 786, лл. 218вг, 234б]). Для первого имени А. А. Зализняк восстанавливает раннедревнерусскую форму *Съдославъ*, возводя его к **sъ-dě-ti* и связывая с такими именами, как *Не-съд-а*, *Съд-ила*, *Съд-ъко*, а в более отдаленной перспективе — с *Судиславъ*, *Судила*.

К тому же гнезду он относит и имя *Съ-дѣ-славъ*, объясняя запись его через *ь* в № 940 ассимиляцией с передним гласным следующего слога. Но для этого антропонима рассматривается и другая версия происхождения, связывающая его с наречием *сьдѣ* ‘здесь’, — параллель в этом случае составляют имена *Се-жиръ* и *Ту-жиръ* [ДНД$_2$: 331]. Для имени *Сьдославъ* второе объяснение выглядит единственно приемлемым: его можно возвести только к наречию *сьдѣ*, предполагая вторичную замену конечного *-ѣ* соединительным *-о-* (ср. соотношение вариантов *Домаславъ* и *Домославъ* [Васильев 2012: 82–83]). Таким образом, восстанавливаются два исходных имени: отглагольное *Съ-дѣ-славъ и* отнаречное *Сьдѣ-славъ*. Их вторичными вариантами выступают *Съдославъ* и *Сьдославъ*, различие между которыми снимается в позднедревнерусском *Сдославъ*.

В грамоте можно видеть записку, посланную с каким-то предметом или товаром. Но она могла быть и письменным «приложением» к устному сообщению, переданному посыльным Сдослава. Такую функцию Д. М. Буланин [Bulanin 1997] предполагает за целой категорией берестяных грамот — так называемыми ярлычками, некоторые из которых содержат только имя в форме именительного падежа. В таком случае естественно думать, что грамоту написал сам Сдослав. Но автором написанной той же рукой грамоты № 1050 является Словята. Не может ли *Словята* быть гипокористикой имени *Сдославъ*? Такую возможность не следует сбрасывать со счетов. Уменьшительное по форме, имя *Словята* не находит соответствий среди славянских двухкорневых имен, поскольку корень *слов-* в их образовании не участвует. При этом к нему чрезвычайно близко имя *Славята* (его носит киевский боярин в статье 1095 г. Повести временных лет) — очевидная гипокористика от одного из имен с корнем *слав-*. Ср. также *Словиша* (надпись на гуслях XI в., Новгород) и распространенное в Сербии имя *Славиша*. Живая семантическая связь между «словом» и «славой» вполне могла обусловить восприятие форм *Словята* и *Славята* как вариантов одного имени[2].

Некоторую сложность для данной гипотезы представляет тот факт, что образование гипокористических форм путем усечения начальной части имени для древнего Новгорода не характерно, см. [Зализняк 1986: 148]. Однако этот вывод относится в первую очередь к гипокористикам от одноосновных имен типа *Коля*, *Шура*; насколько он приложим к древнему двукорневому именослову, неясно: ничто не заставляет думать, что имена типа *Нѣжко* производны от имен типа *Нѣгожиръ*, а не от имен типа *Жиронѣгъ*. Заметим, что для имени *Славята* вероятность образования от имени со вторым элементом *-славъ* особенно велика, поскольку в качестве первой части композитных имен этот корень засвидетельствован крайне слабо. В берестяных грамотах на 25 имен на *-славъ* приходится единственный *Славомиръ* 1050, имя которого может представлять собой зеркальную реплику распространенного имени *Мирославъ*, созданную ad hoc в целях варьирования родового имени (ср. извлекаемые из № 978 и № 1110 и явно принадлежавшие родственникам имена *Дорожинѣгъ* и *Нѣгодорогъ* [Гиппиус 2019: 59], из которых первое находит себе параллели, в том числе инославянские, а второе — нет).

**№ 1117.** Троицкий раскоп. Целый документ из четырех строк:

демен[тѣ]·=
и ꙗково и=
леꙗ · захаре=
ꙗ туфтѣи
балинъı

[2] Связь двух корней в антропонимике более позднего периода демонстрируют имена ростовского юродивого XV в. Исидора-Твердислова [ПЭ, 27: 171] и инока Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Вассиана Гобислова [КЦДР: 477]. Имя первого прозрачно соотносится с *Твердиславъ*, а имя второго явно представляет собой результат трансформации имени *Губиславъ* (ср. [Морошкин 1867: 66 (вторая пагинация)], со ссылкой на польский источник 1349 г., а также *Губислав* — название села в западной Болгарии).

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIII в. — первая четверть XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1300-х гг. — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Грамота содержит перечень имен, составленный, вероятно, для нужд налогообложения или иной финансовой надобности. Перечисленные лица — скорее всего, братья: Дементий, Яков, Илья, Захарья и Туфтей Балины. На фоне четырех канонических имен выделяется прозвище *Туфтѣи*, которым обозначен пятый брат (другая возможность, указанная А. Л. Лифшицем, состоит в том, что это прозвище принадлежит четвертому брату — Захарье). Оно явно связано с диалектными словами *тюфтя́й* и *тюхте́й*, названиями нерасторопного, неуклюжего или недовольного, обиженного человека, а также шалуна, озорника. Приведем несколько примеров из [СРНГ, 46: 47, 49]: «На этом бойком деле нужен человек расторопный, а брат у меня тюфтяй, вот его и облапошили. Верхозим., Петров. Сарат. <…> Тюхтей ты таки! Куды ты не повернешься, там и беда — одно сломаешь, другое разобьешь. Зап. Брян. Ставроп. <…> Тюхтей такой, ни с кем не разговаривает, сидит да молчит. Онеж. Арх.». О распространенности этих слов в качестве прозвищ говорят фамилии *Тюфтей*, *Тюфтеев*, *Тюхтеев* и др. Характерно, что диалектные примеры и фамилии последовательно отражают мягкое произношение начального согласного. Поиск в интернете обнаруживает лишь двух носителей фамилии *Туфтеев* — это убитый в Бородинском сражении Отечественной войны 1812 г. прапорщик 6-го егерского полка и рабочий Магнитки, попавший на страницы местной газеты в 1968 г. Написание *Туфтѣи* в грамоте также указывает на твердость согласного (нет оснований думать, что *у* в данном случае имеет значение *ю*). С чем связано это вторичное отвердение, сказать трудно — не исключено, что, как и в фамилии *Туфтеев*, оно вызвано стремлением уйти от насмешливо-пренебрежительной коннотации, имеющейся у звукоподражательного *тю-*.

В отчестве братьев Балиных, давшем начало распространенной фамилии, отразилось прозвище *Баля* — от апеллятива, зафиксированного в говорах в двух значениях: 1) ʽовца, овечка, ягня’ (перм., волог.), 2) ʽподруга, любовница’ (волог.) [СРНГ, 2: 90]. А. Е. Аникин предполагает во втором слове «грубоватое назв[ание], связанное с *обаля* м., ж. ʽрастяпа, разиня’, *обаля́й* м. ʽнерасторопный и неумелый человек, неряшливый человек’, кот[орое] исторически включают *об-* и *валя́ть*» [Аникин, 2: 161–162]. Отметим совпадение первого из этих значений с основным значением слова *тюфтей* / *тюфтяй.* Если прозвище *Баля* действительно восходит к *обаля*, сочетание *Туфтѣи Балинъ* оказывается почти тавтологичным.

Деревня *Балино* упоминается в новгородских писцовых книгах конца XV в., она находилась в Шегринском погосте Деревской пятины [НПК, указатель: 103].

**№ 1118.** Троицкий раскоп. Средняя часть документа, сохранившая три строки, и малый фрагмент из середины грамоты.

(…)
**на …** **…=**
**ть взалѣ с лазоремъ другъ полъ семѣ бѣлѣ оу боткова сына :з:**
**бѣлъ оув олекси полъ семѣ бѣлѣ оув обакши :ѕ: бѣлъ**
**оу дороѳѣа гривна** **оу нездилѣ на дву :г:і:**
…

Малый фрагмент:

**…[г]омъ шест[ь] бѣлъ …**

От последней строки видны верхушки нескольких букв в правой части грамоты. В предпоследней строке между словами *гривна* и *оу Нездилѣ* оставлено пустое место, на котором тупым инструментом сделан ряд вмятин.

Яркая графическая особенность грамоты — обилие зеркальных начертаний букв. В зеркальных вариантах выступают буквы *з*, *н*, *ѣ*, а буква *ѕ* повернута на 90°. Оригинально

и оформление цифр, помещаемых в круги из точек (в наборе они условно заменены двоеточиями). В малом фрагменте перед *бѣлъ* стоит зачеркнутое *м*.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIII в. — первая четверть XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1300-х гг. (предпочтительно не ранее 1320-х) — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Перевод: '… (у такого-то подать) взяли [мы] вдвоем с Лазарем, шесть с половиной белок, у Боткова сына семь белок, у Олексы шесть с половиной белок, у Обакши шесть белок, у Дорофея [взята] гривна, у Нездилы за двоих тринадцать [белок]'.

Перед нами запись сборщика податей. Все суммы за исключением взятой у Дорофея гривны выражены в белках, явно фигурирующих здесь в качестве товарно-денежных единиц. Упоминаются суммы в 6, 6,5 и 7 белок; 13 белок, заплаченные Нездилой за двоих, дают также 6,5 белок с человека. Можно думать, что норма подати составляла семь белок — кто-то выплатил ее полностью, кто-то недоплатил белку или полбелки. Из берестяных грамот второй половины XII в. мы знаем стоимость «стандартной» белки этого времени, заданную формулой «гривна серебра за семницу», где «семница» — это семь сороков (280) беличьих шкурок [Гиппиус 2017: 30]. При таком соотношении 7 белок соответствуют 5 кунам, а гривна (насчитывавшая в Новгороде 25 кун) соответствует 35 белкам. Если это соотношение было актуальным и в начале XIV в., то гривна, взятая у Дорофея, — это подать с пяти человек, выплаченная полностью.

Слово на *-ть* в начале второй строки поддается вычислению. Синтаксически это может быть: 1) дополнение в родительном падеже, называющее лицо, с которого взят платеж, 2) дополнение в винительном падеже, называющее предмет сбора, 3) обстоятельство места в местном падеже. Однако в тексте, написанном в стандартной графической системе, формы родительного и местного падежей заканчиваться на *-ть* не могут. Остается второй вариант, для которого самым вероятным лексическим заполнением выглядит слово *подать*, фиксируемое в берестяных грамотах с XIV в. Следует думать, что фраза имела вид: (*У Х-а есме пода*)*ть взялѣ с Лазоремъ другъ полъ семѣ бѣлѣ*. Перевод зависит от интерпретации слова *другъ*, составляющей главную лингвистическую интригу грамоты. Это слово можно было бы трактовать как прилагательное, согласованное с *полъ семѣ бѣлѣ*, переведя окончание фразы 'взяли еще (букв.: другие) шесть с половиной белок'. Однако числительные в древнерусских тестах последовательно ведут себя синтаксически как слова женского рода, и половинный квантитатив не составляет в этом отношении исключения, ср. примеры в [Срезн., II: 1143–1145]: *Та полъ девяты тысячи рублевъ великому князю дошла чисто вся*; *на ту полъ двора купчую положити* и др.; таким образом, в данном случае ожидалось бы: *другу*(*ю*) *полъ семѣ бѣлѣ*. Другая теоретическая возможность состоит в том, что *другъ* согласовано не с числительным *полъ семѣ*, а со словом *полъ* в значении 'половина' и что имеется в виду 'вторая половина седьмой белки', то есть те полбелки, которых не хватало до нормы в семь белок. Но и эту версию следует отвергнуть: очевидно, что половинный счет вовсе не предполагает отдельное исчисление таких «вторых половин». Самым вероятным решением выглядит поэтому трактовка *другъ* как наречия со значением 'вдвоем', представляющего собой результат эллипсиса местоимения *самъ* в имеющем то же значение сочетании *самъ другъ*, ср. в Русской Правде: *а мостникоу самомоу дроугоу ѣхати на двою коню съ ѡтрокомъ* [ПрР, Археографический список, л. 289]. Такое же эллиптическое *другъ* можно видеть в примере из статьи 1379 г. Рогожского летописца, приведенном в [Слов. XI–XVII, 4: 261]: [Дионисий] *не пождавъ ни единаго дни поиде другъ съ Митяемъ*, *въ едино время*, *токмо не въ единъ путь*. В словаре данный пример иллюстрирует значение 'вместе, одновременно', но одновременность выражена в этом контексте отдельно, само же наречие *другъ* означает просто 'вместе', что и потребовало от летописца оговорки, уточняющей специфику ситуации.

С предложенной трактовкой хорошо согласуется текст мелкого фрагмента грамоты, в котором можно увидеть окончание фразы (*У Х-а взѧлѣ с дру*)[*г*]*омъ шесть бѣлъ*. Для реконструируемого *с другомъ* параллель находится в грамоте № 600 (кон. XII в.), где среди

выплат, сделанных, по гипотезе В. Л. Янина, в связи с организацией княжеского погребения, упоминаются деньги, заплаченные *Станиславоу со дроугмо*. Перевод этого сочетания может быть теперь уточнен: не ‘Станиславу с товарищем’ [ДНД$_2$: 424], а ‘Станиславу с напарником’.

Из плательщиков отметим «Боткова сына», прозвище отца которого после работы [Зализняк 2019б] может уверенно рассматриваться как производное от глагола *болтати* с отражением севернорусского перехода [ол] > [о]. Ср. пары фамилий *Ботков* / *Болтков* и *Боткин* / *Болткин*, различающиеся только наличием или отсутствием эффекта этого перехода. Написания *оув Олекси* и *оув Обакши* пополняют круг примеров реализации предлога *у* перед словом, начинающимся с гласной, в виде [yw]; ср. *оув Ыванка* 102 (сер. XIV), *оув Ыєвка* 521 (XIV/XV) и др. [ДНД$_2$: 91]. *Обакша* — народная форма имени Аввакум, ср. *у Обакунця* 161 и, с другой огласовкой, *оу Объкъшь* 649/650.

**№ 1120**. Раскоп на ул. Литвинова (Лукиной). Фрагмент письма (срединные части первой и второй строк).

…[ɴ]а къ или ɴє съли отро{і}ка шъле …
…[л]ɴи товаръ[ц]а [възло]жити ɴа [мѧ] …
…

В имени адресата пропущено *и* или *і* (ср. похожий пропуск одного из двух *и* в № 131: *ко Илину дни*, а также *отъ Ïли ï отъ Дъмитра* 776). Слово *отрока* содержит лишний вертикальный штрих перед *к* (писец начал букву перед чечевичкой, но, зайдя на нее, прочертил вертикаль еще раз). Грамота написана в одноеровой системе (*товаръца*, *шъле*).

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не позднее 1130-х гг.

Перевод: ‘От *Х-на* к Илье. Не посылай отрока: (я?) пошел … … погрузить товарец на …’.

Начало грамоты сходствует с Ст. Р. 6: *Ѿ Дѣдилѣ къ Дьмьѧну. Не с*[ъ]*ль отрока: еду саме и :в҃: гривьнѣ везу*. Как и в этом документе, вторая фраза, скорее всего, объясняла, почему отрока (судебного пристава) слать не нужно. Употребление вместо презенса формы прошедшего времени не предполагает разницы в ситуациях: перед нами «эпистолярный перфект», обозначающий действие, которое в момент написания письма автор только собирается предпринять (см. специально о данном явлении в языке берестяных грамот: [Схакен и др. 2018]). Для продолжения текста см. параллель в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. (список Е Рижской редакции): *А которыи волочанинъ въскладываеть товаръ немѣцьскыи или смолень|скыи на кола своя чересъ волокъ вѣсти*, *а што погынеть* […] *товара*, *то то всѣ|мъ волочаномъ платити* [СГ: 42]. Осмысляя ситуацию грамоты по этому образцу, можно предположить, что долг автора адресату, насильственного взыскания которого он хочет избежать, возник из-за невыполнения им обязательства доставить товар. Это могло произойти *лони*, т. е. в прошлом году, а могло и, например, (*на Ше*)*лони*. Слова *на* [*мѧ*], если они прочитаны правильно, следует понимать в смысле ‘на мой транспорт’.

**№ 1121**. Раскоп на ул. Литвинова (Лукиной). Фрагмент судебного документа (три строки из средней части грамоты).

… [: и ѧзъ] кралє бєбръı : про даɴ[ь] :и: гр[ɴ҃]вє :
въ бєб[ръ]хъ : а сє крали :[к]: мѣ[х]ъ : ж мило=
---- [са]мъ тать : [въ]…  …(грв)[ɴ҃оу:]·

Грамота была в древности не только разорвана, но и расслоена; большая часть ее текста сохранилась на втором слое бересты, из-за чего некоторые буквы читаются с трудом.

Стратиграфическая дата: вторая половина XI в. или первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не позднее 1110-х гг.

Перевод: ‘…и я украл бобров (про дань — 8 гривен в бобровых шкурах). А вот украли 20 шкур у Мило… … сам вор …’.

Перед нами фрагмент протокола рассмотрения нескольких дел о кражах меховых шкур. Это древнейший образец русской судебной документации. До сих пор эта сфера деловой письменности (специально о динамике ее распространения на Руси см. [Гимон 2016]) была вообще не отражена памятниками XI–XII вв. Хотя со следствием и судопроизводством связан целый ряд берестяных грамот раннего периода (№ 247, 562/607, 907 и др.), все они, как отмечает Т. В. Гимон, представляли собой письма, а не судебные документы в собственном смысле слова. При этом статья 74 Пространной Правды, упоминающая писца в контексте взимания штрафов, позволяла не сомневаться в том, что в какой-то форме судебная документация в эту эпоху все же существовала. Грамота № 1121 заполняет эту лакуну: формула *а се крали* однозначно свидетельствует о документальной прагматике текста.

Детали реконструкции допускают разночтения. Предложенный перевод предполагает, что слова *и ѧзъ крале бебры* — это прямая речь пойманного вора, а фраза *про дан*[*ь*] *:и: грв҃е въ беб*[*ръ*]*хъ* — рубрика, резюмирующая содержание этой речи, записанной в протокол не полностью. Цитирование признаний преступников, так называемые «расспросные речи», — неотъемлемая принадлежность приказной документации XVI–XVII вв. Приведем в качестве примера колоритный фрагмент из документа 1648 г.: *Да в нынешнем же во 156-м году ноября в 29 день пойман тать Тимошка с поличным. И тать Тимошка пытан, а в распросе и с пытки винился: Яковлева человека Нелединского грабил, а товарищи с ним были Ивашко Гончей, Федка Куроедка, Микитка Тулещик, Судного Московского приказу пристав Логинко, да гулящей человек Игнашко* [ПРП, 5: 389].

Сумму ‘8 гривен в бобрах’ стоит сопоставить с ценой бобровой шкуры, выводимой из грамоты № 420. Бобер этого документа был эквивалентен по стоимости гривне кун Русской Правды [Гиппиус 2017: 32]. Если тот же стандарт подразумевается и здесь, то 8 гривен соответствуют 8 шкурам.

Теоретически тот же фрагмент может быть истолкован и иначе. Вместо [*и ѧзъ*] можно прочесть [*лѧхь*], а отрезок *продань* трактовать как И. ед. муж. страдательного причастия от *продати* в значении ‘оштрафовать’. В таком случае получаем: [*лѧхь*] *<-хе> крале бебры: продань <-не> :и: грв҃е въ беб*[*ръ*]*хъ*, то есть ‘Лях украл бобров, подвергнут штрафу в 8 гривен за кражу бобров’. Недостатком этой версии является необходимость предполагать двукратную замену *е* на *ь* — при том что в четырех надежных случаях этимологический *е* записан как *е*. Единственное возможное отклонение от графического стандарта в тексте грамоты состоит в обратной замене *ь* на *е* в *гр*[*н҃*]*ве* (если видеть в этой записи сокращение словоформы <*гривенъ*>, хотя здесь нельзя исключать и раннего прояснения сильного *ь*).

Во второй записи, скорее всего, говорилось о краже 20 шкур. Это число не случайно, так как составляет половину сорочка — принятой на Руси единицы счета мехов. Менее вероятно, что *мѣхъ* имеет здесь значение ‘мешок’. Следующая фраза начиналась словами *самъ тать* и заканчивалась указанием денежной суммы; речь могла идти, например, о возвращении похищенного.

Отметим соотношение диалектной и стандартной флексий И. ед. м. *-е* и *-ъ*: первая (при чтении *и ѧзъ крале*) используется в прямой речи, вторая — в основном тексте документа (*самъ тать*). Ср. иное, но также социолингвистически мотивированное распределение этих окончаний в № 907 (нач. XII в., письмо посаднику с изложением результата расследования дела о краже), где диалектные окончания выступают в основном тексте письма, а наддиалектные — в приписке на обороте [Schaeken 2011: 354–356]. Лингвистический интерес представляет также оформление слова *бебръ* флексиями *и*-склонения, к которому эта лексема исторически принадлежит (В. мн. *бебры*, М. мн. *бебръхъ*). Что же касается огласовки корня, то она идеально встраивается в картину распределения двух вариантов названия бобра между грамотами раннего и позднего периода — с границей, проходящей по середине XIII в. [ДНД$_2$: 711, 712]:

бебр-: *бебръв*[ъ] 721 (40-е — сер. 90-х гг. XII в.), *бьбороко* 7 (посл. четв. XII в. — перв. четв. XIII в.), *бебры* 600 (10-е — 40-е гг. XIII в.);

бобр-: *бобровъ*, *бобры* 420 (30-е — 60-е гг. XIII в.), *бобры* 193 (1300-е — нач. 1310-х гг.), *Бобръ* 45 (10-е — 30-е гг. XIV в.); сюда же *поиду бобромъ* в серии граффити из церкви Федора Стратилата на Ручью [Рождественская 2007: 343–344].

## Старая Русса

В 2019 г. работы в Старой Руссе были продолжены на Пятницком-II раскопе, расположенном в историческом ядре города, археологической экспедицией Новгородского государственного университета (руководитель экспедиции Е. В. Торопова). При изучении пласта 16 в северо-западной и центральной частях раскопа были найдены берестяные грамоты № 50 и № 51. Обе грамоты обнаружены на территории усадьбы «Б» в напластованиях последней трети XIII в., см. [Самойлов и др. 2019].

**Ст. Р. 50.** Пятниций раскоп. Три строки из середины документа.

…
(ꙋ б)ориса двє розмєрє : ꙋ твє[р]=
[д]ѧтє розмьра ꙋ євана по=
(л)[ъ берковєска ꙋ] (-)[р]--н-
…

Внестратиграфическая оценка: не позднее 1290-х гг.

Перевод: ‘… У Бориса две размеры, у Твердяты размера, у Евана полберковца, у …’.

Грамота представляет собой документ того же типа, что и предыдущая старорусская грамота (№ 49) — это реестр соляного сбора. Упоминаются те же единицы: берковец и его подразделение (по-видимому, ⅙) — размера. Последняя, в соответствии с более ранней датой, пишется не через *и*, как в Ст. Р. 49, а через *е* и *ь* (в грамоте имеет место эффект *ѣ* → *е*/*ь*).

**Ст. Р. 51.** Пятниций раскоп. Целое письмо из четырех строк.

ѿ маѯима къ онании ·
поведи кони ·г҃· соловои ·
боурꙑи орка ї седла възмї
а спроста поѥди ·

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1300-х гг.

Перевод: ‘От Максима к Онании. Приведи трех коней: солового, бурого и Орька, и седла возьми. И поезжай немедленно’.

Понимание ситуации зависит от того, как соотносятся императивы *поведи* и *поѥди*. Можно было бы подумать, что Максим приказывает Онании сначала привести откуда-то (например, из стада) трех коней, а затем, взяв седла, поехать к нему. Более вероятно, однако, что имеется в виду одно и то же перемещение в разных аспектах: Онания должен приехать и привести коней. Ср. в Ст. Р. 6: *еду саме и :в҃: гривьнѣ везу* (с той разницей, что коней, естественно, ведут, а не везут). *Поведи* может так же относиться к *приведи*, как *пошли* — к *пришли*, то есть обозначать то же действие, только сформулированное в перспективе адресата, а не автора речи (ср. [Схакен и др. 2018] о соотношении в берестяных грамотах *послати* и *прислати* как «центробежного» и «центростремительного» глаголов). В современном языке такое употребление сохраняется для *послать* (ср. *пошли мне книги* и *пришли мне книги*), но для *повести* / *привести* оно невозможно, что и отражает перевод. Что же касается *поехать*, то, хотя *поезжай сюда* / *ко мне* выглядит вполне допустимым,

узуально в подобных контекстах доминирует *приезжай*[3]. В берестяных грамотах наблюдаем прямо противоположное: *поѣди сѣмо* и *поѣди в городъ* (предполагающее нахождение автора в городе) встречается неоднократно (№ 19, 415, Тв. 5 и др.), тогда как глагол *приѣхати* в императиве не фиксируется вообще. Ввиду этого контексты типа *или самь поеди семо* (№ 415, сер. XIV в.) следовало бы переводить не как ‘сам поезжай сюда’, а как ‘сам приезжай сюда’. Но к комментируемой грамоте это не относится, так как *поѥди* в ней не имеет при себе эгоцентрического распространителя.

Большой интерес сразу в нескольких отношениях представляет перечисление коней. Во-первых, замечательно оформление разными окончаниями прилагательных *бурыи* и *соловыи.* Если первое слово всегда относилось к акцентной парадигме *a* и имело ударение на основе, то второе обнаруживает историческую принадлежность к а. п. *c* и фиксируется в источниках с ударением *соловóй* [Зализняк 2019а: 419, 488]. Таким образом, распределение окончаний в грамоте соответствует тому, какое имеет место в современном русском литературном языке: под ударением *-ой*, в безударном положении *-ый*. При этом оно не находит параллелей в других древнерусских источниках — ни новгородских, ни происходящих с иных территорий (см. сводку материала в [ИГДРЯ, 3: 352–356]). Остальные ранние примеры окончания *-ои* / *-еи* в берестяных грамотах (отмечаемые с XIII в.) фиксируются как раз в безударных позициях: *цетвертои* 213, *Голиное*, *Рыдьньскои* 390 и др. [ДНД$_2$: 119]. На этом фоне написание *соловои* можно было бы счесть и опиской, спровоцированной двумя предыдущими *о*, однако никаких других ошибок грамота не содержит. Вполне возможно, что окончание *-ыи* в *бурыи* является, как и в современном литературном языке, условной орфограммой, за которой стоит фонологическое /oj/, реализуемое в заударном слоге с редукцией гласного.

Третий конь назван по имени. Его имя, несомненно, произведено от *орь* ‘конь, жеребец’ [Слов. XI–XVII, 13: 74]. Словоформа *Орка* (с отражением отвердения или необозначенной мягкостью *р*’) может быть или «именительным перечисления» от *Орька*, или винительным падежом на *-а* от *Орько*. Второй вариант следует предпочесть. Гипокористические производные с суффиксами *-ък-* / *-ьк-* в XIII в. еще регулярно сохраняют морфологический род исходного слова [ДНД$_2$: 209–211]. Мужской морфологический род исторически первичен и для кличек лошадей типа *Гнедко*, *Сивко.* Название сказки «Сивка-Бурка», известное широкому читателю в такой форме, в сборнике А. Н. Афанасьева [1985, 2: 5] имеет вид «Сивко-Бурко»; ср. также в «Коньке-Горбунке» П. Ершова [1976: 74]: «И от сивка, и от бурка, И от вещего коурка».

Замечательно, что *Орько*, в отличие от двух прилагательных, стоит в новой форме винительного падежа, совпадающей с формой родительного. Это различие явно обусловлено статусом слова как имени собственного и связанной с ним большей степенью индивидуализации объекта (см. о роли этого фактора в распространении морфологической одушевленности: [Живов 2017: 768–776]). В. ед. на *-а* появляется в берестяных грамотах у названий животных лишь со второй половины XIV в. [ДНД$_2$: 107]. Без учета того, что речь идет о кличке коня, рассматриваемый случай выпадал бы из этой хронологии. Впрочем, сама она может быть в свете данного примера несколько уточнена. А. А. Зализняк приводит три примера Вин.=Род. у названий животных в грамотах XIV—XV вв.: «*даіте коницка* 579 (3 четв. XIV), *поими моего цалца* ‘возьми моего чалого’ 266 (70-е — 80-е гг. XIV), *у мьнь конѧ познали* 305 (1 четв. XV)» [Там же]. Однако *Чалець*, фигурирующий во втором примере, может, как и *Орько*, быть кличкой коня (ср. фамилию *Чальцов*, образованную от соответствующего прозвища). Что же касается первого примера, то в нем, с учетом более полного контекста (*даіте коницка до Видомирѧ вѣрѣ ци до Мстѣ* ‘дайте под клятвенное обязательство лошадку до Видомиря или до Мсты’), следует, на наш взгляд,

[3] В основном корпусе [НКРЯ] на 28 употреблений *приезжай сюда* и 102 употребления *приезжай ко мне* приходится только 3 употребления *поезжай ко мне*, причем в этих трех случаях «ко мне» относится к месту проживания говорящего, а не к месту, в котором он находится в момент речи.

видеть не винительный падеж, а так называемый родительный временного пользования, см. [Шахматов 1963: 322; Малышева 2010: 65 (с указанием литературы)][4]. Таким образом, самым ранним достоверным случаем употребления В. ед. на *-а* от названия животного оказывается пример из грамоты № 305 первой четверти XV в.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Афанасьев 1985 — *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах*. Т. 2 / Изд. подг. А. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985.

Аникин — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. М., 2007–.

Ершов 1976 — Ершов П. П. *Конек-горбунок. Стихотворения*. Л.: Советский писатель, 1976.

Истрин 1893 — Истрин В. М. *Александрия русских хронографов*: Исследование и текст. М.: Университетская типография, 1893.

КЦДР — *Книжные центры Древней Руси*. Иосифо-Волоколамский монастырь / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1991.

Морошкин 1867 — *Славянский именослов или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке* / Сост. М. Морошкин. СПб., 1867.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Новаковић — Новаковић С. *Законски споменици српских држава средњега века*. Београд, 1912.

НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910, 1915. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам.

ПрР — *Правда Русская* / Под ред. Б. А. Грекова. Т. 1. М.; Л., 1940.

ПРП, 5 — *Памятники русского права*. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Вторая половина XVII в. / Под ред. Л. В. Черепннина. М., 1959.

ПЭ, 27 — *Православная энциклопедия*. Т. XXVII. Исаак Сирин — Исторические книги. М., 2011.

СГ — *Смоленские грамоты XIII–XIV вв.* / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.

Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.

Срезн. — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1893–1903.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.

Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. 2-е изд. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.

Bergson 1965 — *Der griechische Alexanderroman Rezension* [beta]. Hrsg. von Leif Bergson. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil’ev V. L. *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2012.]

Гимон 2016 — Гимон Т. В. Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. *Письмо и повседневность*. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2016, 18–48. [Gimon T. V. Old Russian court documentation of the 13th–14th centuries. *Pis’mo i povsednevnost’*. No. 3. Moscow: Institute of World History, 2016, 18–48.]

Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода. *Российский рубль. 700 лет истории*. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород: [б. и.], 2017, 25–36. [Gippius A. A. Birchbark document

[4] То, что до сих пор это значение родительного падежа фиксировалось лишь в поздних памятниках (самый ранний из известных примеров указан В. Б. Крысько [1997: 200] в разговорнике второй четверти XVII в.: *дай мнѣ своего ножичка*), не создает проблемы для такой трактовки: как замечает автор, происхождение этой формы «в силу ее сугубо разговорного характера, теряется в глубине веков» [Там же].

1072 and monetary systems of medieval Novgorod. *Rossiiskii rubl': 700 let istorii*. Proc. of the International Numismatic Conf. Veliky Novgorod, 2017, 25–36.]

Гиппиус 2019 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 47–71. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2018. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 47–71.]

ДНД$_2$ — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*: В 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti* [History of the language of Russian writing]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2017.]

Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.).* Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.).* Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]

Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.).* Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1993, 191–321. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.).* Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1993, 191–321.]

Зализняк 2019а — Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Языки славянской культуры, 2019. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and dictionary]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2019.]

Зализняк 2019б — Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход *ол* > *о* в истории русского языка. *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология.* К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. Успенский Ф. Б. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2019, 82–96. [Zaliznyak A. A. 'Lukerya's effect': The *ol* > *o* transition in the history of Russian. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoevropeistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Uspenskii F. B. (ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies, 2019, 82–96.]

ИГДРЯ, 3 — *Историческая грамматика древнерусского языка.* Крысько В. Б. (ред.). Т. 3: *Прилагательные*. Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. М.: Азбуковник, 2006. [*Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical grammar of Old Russian]. Krys'ko V. B. (ed.). Vol. 3: *Prilagatel'nye* [Adjectives]. Kuznetsov A. M., Iordanidi S. I., Krys'ko V. B. Moscow: Azbukovnik, 2006.]

ИГДРЯ, 4 — *Историческая грамматика древнерусского языка.* Крысько В. Б. (ред.). Т. 4: *Числительные.* Жолобов О. Ф. М.: Азбуковник, 2006. [*Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical grammar of Old Russian]. Krys'ko V. B. (ed.). Vol. 4: *Chislitel'nye* [Numerals]. Zholobov O. F. Moscow: Azbukovnik, 2006.]

Крысько 1997 — Крысько В. Б. *Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность.* М.: Индрик, 1997. [Krys'ko V. B. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Ob"ekt i perekhodnost'* [Historical syntax of Russian. Object and transitivity]. Moscow: Indrik, 1997.]

Курбатов 2019 — Курбатов А. В. Кожевенное ремесло Великого Новгорода: взаимодействие традиций населения разных природно-климатических зон. *Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований:* сб. материалов Всероссийской научной конференции (Сургут, 2018 г.): в 2 ч. Лапшин В. А. (ред.). Ч. II. Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2019, 240–251. [Kurbatov A. V. Leather craft of Veliky Novgorod: Interaction between the traditions of the population of different climatic zones. *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovanii*: Proc. of the research conf. (Surgut, 2018): in 2 parts. Lapshin V. A. (ed.). Part 2. Surgut: Institute of the Archaeology of the North, 2019, 240–251.]

Малышева 2010 — Малышева А. В. *Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров)*. Дис. … канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2010. [Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagol'nogo upravleniya: ob"yektnyi genitiv (na materiale russkikh letopisei i sovremennykh arkhangel'skikh govorov)* [From the history

of Russian verbal government: The genitive of object (based on Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects)]. Ph.D. diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2010.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

Рождественская 2007 — Рождественская Т. В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью. *Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью*. Царевская Т. В. (ред.). М.: Северный паломник, 2007, 338–382. [Rozhdestvenskaya T. V. Inscriptions and drawings in the Church of Theodore Stratilates on the Stream. *Rospis' tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'yu.* Tsarevskaya T. Yu. (ed.). Moscow: Severnyi Palomnik, 2007, 338–382].

Самойлов и др. 2019 — Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Торопов С. Е., Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., Карпова Т. В., Сюборов В. Ю., Юсифова А. А. Средневековая усадьба «Б» на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса (предварительные итоги археологических исследований 2019 г.). *Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого*, 2019, 6(24): 3–8. [Samoilov K. G., Toropova E. V., Toropov S. E., Kolosnitsyn P. P., Kolosnitsyna E. E., Karpova T. V., Syuborov V. Yu., Yusifova A. A. Medieval manor 'B' at Pyatnitsky-2 excavation in Staraya Russa (preliminary results of archaeological research in 2019). *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2019, 6(24), 3–8.]

Сичинава 2019 — Сичинава Д. В. К интерпретации некоторых берестяных грамот. *Труды Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова*, 2019, 22: 635–651. [Sitchinava D. V. Towards the interpretation of several birchbark letters. *Trudy Instituta russkogo yazyka RAN im. V. V. Vinogradova,* 2019, 22: 635–651.]

Смирнова 1999 — Смирнова Л. И. Сырье новгородских косторезов: рог, кость и «рыбий зуб». *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М.: Русские словари, 1999, 122–134. [Smirnova L. I. Raw materials of Novgorod bone cutters: horn, bone and 'fish tooth']. *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy*. Moscow: Russkie Slovari, 1999, 122–134.]

Соколянский 2007 — Соколянский А. А. О статусе звука [ц] и фонемы <ц> в русском литературном языке. *Вопросы языкознания*, 2007, 3: 121–135. [Sokolyanskii A. A. On the status of the sound [ts] and phoneme /ts/ in contemporary literary Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2007, 3: 121–135.]

Схакен и др. 2018 — Схакен Й., Фортейн Э., Деккер С. Эпистолярный дейксис в новгородских берестяных грамотах. *Вопросы языкознания*, 2014, 1: 21–38. [Schaeken J., Fortuin E., Dekker S. Epistolary deixis in Novgorod birch-bark letters. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 1: 21–38.]

Томсен 1891/2002 — Томсен В. Начало русского государства. *Из истории русской культуры.* Т. II, кн. 1: *Киевская и Московская Русь*. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.). М.: Языки славянской культуры, 2002, 143–226. [Tomsen V. The origin of the Russian state. *Iz istorii russkoi kul'tury.* Vol. 2, book 1: *Kievskaya i Moskovskaya Rus'*. Litvina A. F., Unspenskii F. B. (comp.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002, 143–226.]

Шахматов 1963/2001 — Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. 3-е изд. М.: УРСС, 2001. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of Russian]. 3rd edn. Moscow: URSS, 2001.]

Юрьева 2017 — *Киевская летопись*. Изд. подг. Юрьева И. С. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. [*Kievskaya letopis'* [The Kievan Chronicle]. Yur'eva I. S. (ed.). Moscow: YaSK Publishing House, 2017.]

Bulanin 1997 — Bulanin D. Der literarische Status der Novgoroder 'Birkenrinden-Urkunden'. *Zeitschrift für Slawistik*, 1997, 42: 146–167.

Jakobson 1929/1962 — Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. *Selected writings.* Jakobson R. Vol. I: *Phonological studies.* The Hague: Mouton, 1962, 7–116.

Meyer 1928 — Meyer E. Einige nordgermanische Lehnwörter im Russischen. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1928, 1/2: 138–146.

Schaeken 2011— Schaeken J. Sociolinguistic variation in Novgorod birchbark documents: The case of no. 907 and other letters. *Russian Linguistics*, 2011, 3: 351–359.

*Получено / received 14.03.2020* *Принято / accepted 07.04.2020*